

— Всего десять лет — как мало было нам отведено! Так вот, наедине с собой светло и радостно, вновь и вновь прохожу каждый тот далекий день.

...Мне было двадцать лет. Жила я в Одессе. После окончания музыкального училища выступала в концертах с сольной программой. В сорок втором году Петр Константинович приехал с гастролью в наш город. Был на репетиции программы, в которой участвовала и я. Цела и даже не знала, что тот, чьи песни, особенно «Ты — это гитара», я так любила, сидит в зале и слушает.

В тот же вечер нас познакомили, потом несколько дней спустя Петр Константинович сделал мне предложение. Мы поженились. В Бухарест, там уже были советские войска, приехали счастливые, полные планов, надежд. Я оставалась советской гражданкой. Меня этим не раз укоряли, косо глядели на меня как наши «бывшие», так и местные жители. А Петр Константинович гордился, что я — советская, а для него, он говорил, как частичка той земли, которой он был бесконечно предан. Столько лет жил за границей, знал несколько иностранных языков, но пел он всегда только на русском и украинском.

Так вот, когда мы приехали, первый наш совместный концерт — для советских офицеров. Наше командование выделило нам квартиру, двери которой не закрывались.

Мы с Петром Константиновичем много работали: репетиции, гастроль. Выступали и в концертных залах, и в теплушках, и в госпиталях. Десять лет мы прошли, как один день, на одном дыхании. Все эти годы Петр Константинович добивался разрешения вернуться в страну советским гражданином. Он такое разрешение получил.

И вот 1952 год. Концерт, так по-доброму начавшийся. В антракте зашла к Петру Константиновичу, его нет в артистической. Лежит сценический костюм, футляр с гитарой открыт...

Начинается второе отделение, а его по-прежнему нет. Ко мне подошли двое в штатском, сейчас это звучит анекдотично, тогда же... Мне объ-

ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

«В ЖИЗНИ ВСЕ НЕВЕРНО И КАПРИЗНО...»

«Уважаемая редакция! Моя светлая девичья пора выпала на шестидесятые годы. И у нас были любимые песни, исполнители, увлечение которыми мы прятали от взрослых. Тайком покупали пластинки [точнее, записи-самодельки на «рентгеновских снимках»]. Тогда нашим кумиром был Петр Лещенко. О нем мы ничего не знали, только что эмигрант, «запрещен». Но приходишь на каток ли, на танцы, везде звучали его песни, от веселой «Дуни» до очаровательных танго. И вот сегодня, когда запреты сняты, когда вышли на «Мелодии» пять больших пластинок с его записями, обидно, что остаются недомолвки, встречаются разночтения в его биографии.

Как-то, увы, уж очень мимолетно прозвучала передача по радио — встреча с вдовой Петра Лещенко. Мне кажется, она могла бы, как никто, правдиво, интересно, полно рассказать об этом удивительном певце».

Не будем приводить письмо Л. И. Синяковой из Киева полностью. Мы показали его вдове Петра Константиновича Лещенко и решили дать ей слово. Рассказывает Вера Георгиевна БЕЛОУСОВА-ЛЕЩЕНКО.

яснили, что Петра Константиновича на неделю увезли для беседы, нужны некоторые уточнения...

Встретились мы лишь девять месяцев спустя. Мне разрешили свидание и дали список вещей, необходимых ему. В назначенный день отправилась на пригородном поезде в указанный в открытке город под Бухарестом. Долго ждала, потом меня отвели к колючей проволоке, отмерили шесть метров, наказали не приближаться. Конвоиры привели

Петра Константиновича. Так мы и свиделись. Ни сказать, ни прикоснуться. Его осунувшееся лицо, руки почерневшие, еще подумала тогда: били по рукам, чтобы забыл гитару, былой успех, свои песни.

Много было потом домыслов, разговоров, что держал ресторан на оккупированной территории, что развлекал немцев. И никому не было дела до того, что мальчишкой и не по своей воле оказался иностранным подданным. Ведь родился он на одесской зем-

ле, а потом с родителями переехал в Бессарабию, которая в 1918 году отошла Румынии. В чем его вина?

Чья-то дурь, каприз всю его жизнь перевернули. Думал ли он об этом, когда игриво, с кокетливой грустинкой пел: «В жизни все неверно и капризно...»

Вскоре арестовали и меня, тоже «за измену» — так объяснили мне мой брак с иностранным подданным. Увезли в пересыльную тюрьму в Днепропетровск. Приговорили к расстрелу, потом заменили 25 годами и отправили в лагерь в Свердловскую область. Там и отбывала наказание. В 1954-м меня освободили, тогда и узнала, что Петра Константиновича нет в живых.

А что потом? Сбирала по крупицам все связанное с ним, дорогим и любимым мне человеком. Выступала с концертами, на заработанное скупала на черном рынке его пластинки, фотографии.

Петр Константинович — не как жена говорю, как друг, как профессиональный музыкант — был прекрасный, святой человек. Он талантлив, потому такая долгая и светлая память осталась о его творчестве, о нем. Потому мне так больно порой слышать часто надуманные, возможно, для кого-то удобные воспоминания. Смотрела недавно фильм А. Баяновой «Кабаре в моей жизни». Никак не могла понять, как можно смущать чужую память. Уж если Алла Николаевна хочется быть причастной к судьбе Петра Константиновича, то зачем унижать его, сравнивая с другими певцами, называя Петькой. Что это, признак дружбы? Да только ли Баянова позволяет себе такое? Я впервые в 1988 году дала согласие Владимиру Степановичу Зайке на интервью по радио, только чтобы оградить память прекрасного, любимого человека от пошлости, домыслов. А так... не люблю рассказывать, я как будто по частичкам вырываю из себя эти воспоминания. Они становятся общими, чужими. Наверное, я не права. Если до сих пор есть люди, которым интересно узнать об этом человеке больше, я просто должна в память о нашей любви восстановить правду о нем.

На снимке: П. К. Лещенко и В. Г. Белоусова-Лещенко.